

§1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Епифанов И.О.

ПРИНЦИП ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ КАК ЕЕ ВАЖНЕЙШЕЕ НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНОЕ СВОЙСТВО

Аннотация: Объектом исследования являются правовые отношения, складывающиеся в результате осуществления регулирующего воздействия фундаментального нормативно-правового акта – Конституции Российской Федерации, со всеми общими свойствами и с имманентно присущими ему признаками особого законодательного акта. Предметом исследования выступают теоретические и практические аспекты содержания и действия принципа прямого действия Конституции Российской Федерации, рассмотренного в качестве нормативно-регулятивного средства наряду с нормами права. Особое внимание уделено конституционным положениям особого характера, выделяемых в отдельный вид нормативно-регулятивных средств – нормативным обобщениям, среди которых рассматривается принцип прямого действия. Методологическую основу исследования составили комплексно применяемые общенаучные и специальные методы познания, а именно: анализ, синтез, сравнение, аналогия, дедукция, индукция, абстракция. В результате анализа позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и научной литературы принцип прямого действия Основного закона отнесен к нормативно-регулятивным средствам наряду с нормами права, что позволило выявить обязательный характер конституционных установлений независимо от того, что большинство из них не имеют классической структуры, схожей с нормой права. Принцип прямого действия является обязательным требованием в сфере деятельности правоприменителей и ему отведено главенствующее место в механизме правового обеспечения реализации нормативных обобщений, содержащихся в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, прямое действие Конституции, нормативно-регулятивные средства, нормативные обобщения, норма права, принцип, Основной закон, правовое регулирование, Конституционный Суд, Верховный Суд.

Abstract: The object of this research is the legal relations that form as a result of regulating effect upon the fundamental normative legal act of the Constitution of the Russian Federation with all general qualities and immanently inherent qualities of a special legislative act. The subject of this research is the theoretical and practical aspects of the content and activity of the principle of direct effect of the Constitution of the Russian Federation viewed as a normative-regulatory means along with legal norms. A special attention is given to the constitutional positions of specific character, attributable to a separate type of normative-regulatory means – normative consolidations, among which the principle of direct effect is being reviewed. The principle of direct effect is a mandatory requirement in the field of work of the judiciary, and has a major part in the mechanism of legal realization of normative consolidations contained in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: Principle, rule of law, normative generalizations, normative and regulatory tools, direct effect of the Constitution, Constitution of the Russian Federation, Basic law, legal regulation, Constitutional Court, Supreme Court.

Государственные институты и правовые системы

Конституционное право образует своеобразное ядро национальной правовой системы. Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 года (далее – Конституция, Основной закон) является фундаментальным нормативно-правовым актом со всеми общими свойствами, а также с имманентно присущими ему признаками особого законодательного акта, такими как реальность, стабильность, верховенство [1, с. 5-7]; базовый, итоговый характер, наличие программных положений, нормативность, наивысшая юридическая сила [2, с. 58–59; 3, с. 36–37].

Особое значение для отношений между государством и гражданином (человеком) имеет провозглашенное в статье 15 Конституции прямое действие Конституции, которое можно рассматривать в качестве свойства Основного закона [4, с. 32–33] и принципа построения всей правовой действительности в государстве. Любое правовое отношение имеет конституционную основу, то есть, находится под непосредственным воздействием основополагающих положений Конституции и является, таким образом, результатом прямого действия Конституции.

И.А. Кравец обозначает, что исходя из конституционно-правового смысла, «принцип» – весь набор основ конституционного строя, которые нашли закрепление в главе 1 Конституции, в узком смысле – принципы российского конституционализма представляют собой базовые конституционные положения, обеспечивающие господство права, реальность действующей Конституции, демократические процедуры осуществления государственной власти, защиту прав и свобод личности [5, с. 210].

Положение о прямом действии Конституции содержится в части 1 статьи 15 Конституции и в соответствии с частью 1 статьи 16 Конституции включается в основы конституционного строя Российской Федерации. В частях 1, 2 статьи 15 Конституции закреплены высшая юридическая сила Основного закона и обязанность всех субъектов соблюдать Конституцию. Следовательно, обозначенные требования распространяются и на положение о прямом действии Конституции, что позволяет рассматривать прямое действие в качестве принципа российского конституционализма.

Но в Основном законе не содержится определения понятия «прямое действие Конституции», что не позволяет выявить сущность данного явления и оценить его регулятивное воздействие.

Существует подход, согласно которому, прямое действие рассматривается как свойство Конституции, позволяющее органам исполнительной власти и судам

применять конкретные конституционные положения посредством ссылки на них в правоприменительных решениях. А.Б. Венгерова отмечает, что такое установление в Конституции является большим завоеванием демократической России и превращает Основной закон в мощный практический инструмент воздействия на конкретные общественные отношения, поведение людей, деятельность их разнообразных объединений [6, с. 48].

Также прямое действие рассматривают в роли социального заказа, социальной потребности. Как отмечает В.А. Пимонов, сторонники данного подхода подчеркивают, что прямое действие Конституции означает, в первую очередь, не применение, а реализацию норм Основного закона, т. е. их исполнение и соблюдение [7].

Конституционный Суд Российской Федерации, занимающий, по мнению некоторых ученых «главенствующее место в системе обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации» [8, с. 130] в постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» [9] (далее – Постановление Конституционного суда) дал официальное, общеобязательное толкование по рассматриваемому вопросу. В частности, Конституционный Суд указал:

1. суды общей юрисдикции и арбитражные суды не могут признавать названные в статье 125 Конституции (пункты «а» и «б» части 2 и часть 4) акты не соответствующими Конституции Российской Федерации и потому утрачивающими юридическую силу.
2. суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этого закона. Обязанность обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с таким запросом существует независимо от того, было ли разрешено дело, рассматриваемое судом, отказавшимся от применения неконституционного, по его мнению, закона на основе непосредственно действующих норм Конституции Российской Федерации.

Для судов общей юрисдикции значительную роль в вопросе прямого действия Конституции занимает позиция, отраженная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции

Российской Федерации при осуществлении правосудия» (далее – Постановление Верховного суда), изменения в которое вносятся и в XXI веке. Верховный Суд разъяснил, что судам при рассмотрении дел во всех необходимых случаях следует применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия; суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности:

а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны.

Примечательно, что с учетом внесенных в 2013 году изменений в Постановление из случаев непосредственного применения Конституции исключены пункты «в» и «г», которые предусматривали непосредственное применение Конституции в случае:

«в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;

г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, противоречит Конституции РФ, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует» [10].

Таким образом, рекомендация Верховного Суда сводится лишь к двум случаям применения судами норм Конституции с полным исключением права судов по оценке нормативных актов на предмет соответствия Конституции, что, безусловно, соответствует подходу Конституционного Суда.

Принимая во внимание норму статьи 103 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», устанавливающей, что в период с момента вынесения решения суда об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации и до принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации произ-

водство по делу или исполнение вынесенного судом по делу решения приостанавливаются, представляется обоснованным вывод о том, что исходя из позиций высших органов судебной власти «суды общей юрисдикции как основные правоприменительные органы по защите прав и свобод человека и гражданина ограничены в возможности и обязанности, вытекающей из ст. 15 Конституции РФ, обеспечивать при осуществлении своей компетенции принцип прямого действия конституционных норм» [11, с. 22].

Оценить приведенные позиции высших судебных органов необходимо через призму действующего законодательства.

В соответствии с частью 1 статьи 120 Конституции суды независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

Частью 1 статьи 8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) установлено правило о независимости судей и подчинении их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону при осуществлении правосудия.

Частью 1 статьи 11 ГПК РФ предусмотрена обязанность судов разрешать гражданские дела на основании Конституции. А часть 2 данной статьи указывает, что суд, установив при разрешении гражданского дела, что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу.

Таким образом, принцип прямого действия Конституции находит свое развитие в нормах самой Конституции и процессуального законодательства, устанавливающего, что суды вправе, а значит и обязаны, оценивать нормативно-правовые акты на соответствие актам большей юридической силы и разрешать дела на основании Конституции.

Учитывая обозначенные положения Конституции и ГПК РФ, несмотря на имеющиеся позиции высших судебных органов, в правовой теории и практике нельзя считать разрешенным вопрос о реализации принципа прямого действия Конституции.

По нашему мнению, изучая данный вопрос, следует исходить из того, что любой нормативный акт воздействует на общественные отношения посредством нормативно-регулятивных средств, содержащихся в нем. Принцип прямого действия относится к нормативно-регулятивным средствам Основного закона и для его исследования необходимо понимание роли нормативных регуляторов, содержащихся в Конституции.

Согласно устоявшемуся подходу, основным нормативным регулятором является норма права (юри-

Государственные институты и правовые системы

дическая норма), под которой понимается общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений [12, с. 132].

Конституция содержит положения, касающиеся общественных отношений в сфере правового статуса личности и в сфере принадлежности, организации и реализации власти в государстве.

В конституционные правоотношения вступает самый широкий круг субъектов: государство в лице федеральных и региональных органов власти; социальные общности (народ, нация); территориальные общности (субъекты федерации, муниципальные образования); органы местного самоуправления; общественные объединения и политические партии; президент, депутаты, губернатор, мэр, граждане.

В этой связи и содержание Конституции является весьма обширным, как с точки зрения всего документа, так и применительно к отдельным его элементам (структурным единицам). В основном массиве нормативно-правовых актов структурными единицами выступают юридические нормы. Но юридические нормы и их система являются лишь одним из проявлений права как нормативной регуляции [13, с. 96].

В. К. Бабаев отмечал, что «Существуют предписания, не укладывающиеся в понятие юридической нормы. Сюда относятся положения ...закрепляющие принципы... права, определяющие основные правовые понятия...» [14, с. 51]. Н.Н. Вопленко подчеркивает: «Право не сводится только к нормам: наряду с ними существуют и действуют разнообразные виды общих правовых предписаний: правовые декларации, правовые определения, принципы и, наконец, нормы» [Там же, с. 51].

По мнению В.М. Горшенева «декларации», «цели», «принципы» лишены традиционной логичности нормы права, в силу отсутствия некоторых ее естественных элементов (гипотезы, диспозиции, санкции), поэтому Виктор Михайлович нормативные обобщения назвал композиционно незавершенными и отнес их к нетипичным правовым предписаниями, [15].

Но как отмечает Г. Т. Чернобель, исследующий логические проблемы правовой нормативности, несмотря на отсутствие гипотезы и санкции, правовая норма не превращается в бесструктурное образование, лишенное минимума смыслового содержания. Это вполне законченная единица нормативной системы права, выраженная на высоком уровне обобщенности, абстрактности [16].

В развитие обозначенных суждений о логической структуре правовых норм согласимся с по-

зицией В.М. Шафирова, отмечающего, что вряд ли правильно, называть правовые декларации, цели, принципы нетипичными явлениями, лишь по причине отсутствия у них структуры, схожей с нормой. Нормативная регуляция осуществляется не только посредством юридических норм, но и нормативных обобщений, являющихся нормативно-регулятивными средствами, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права. Такими средствами являются правовые принципы, цели, задачи, дефиниции, презумпции и т. п. [13].

Именно Конституция возглавляет ряд нормативно-правовых актов по количеству содержащихся в ней нормативных обобщений. В Конституции наиболее распространены правовые принципы, дефиниции, цели, задачи, декларации, аксиомы, юридические конструкции, указание на результат, которого надо достигнуть, призывы.

Значение конституционных нормативных обобщений можно проследить в ситуации, когда тот или иной нормативно-правовой акт не содержит правовых норм и принципов, позволяющих урегулировать возникшие отношения.

Подобное состояние нормативных актов повышает риск произвольного ограничения прав участников отношений, регулируемых данным актом, так как нормативно-правовые принципы выступают «важным средством обеспечения законности и легитимности не только нормативных, но и правоприменительных ограничений прав и свобод человека» [17, с. 32-33]. В таких случаях на основании принципа прямого действия всегда имеется возможность урегулировать отношения, обратившись к положениям Основного закона.

Так Мотыгинским районным судом Красноярского края в деле № 2-56/2015 по иску гражданина к местной администрации о включении времени прохождения службы в органах внутренних дел в общую продолжительность стажа работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях рассмотрена ситуация, когда отсутствие определенности в терминологии федерального законодательства поставило под сомнение наличие права у гражданина.

Суд, применив во взаимосвязи положения статьи 7 и частей 1, 3 статьи 37 Конституции, гарантирующих свободу труда, право свободно распоряжаться своими способностями по труду, выбирать род деятельности и профессию, расценил отказ администрации как ограничивающий конституционные права и свободы граждан и нарушающий требования конституционных принципов равенства и указал, что пробелы в

законодательстве не могут служить основанием для ограничения прав граждан. [18]

Рассмотренная ситуация иллюстрирует, что для правоприменительной практики важное значение имеет возможность непосредственного применения конституционных нормативных обобщений.

Применение, использование, соблюдение нормативных обобщений требует от субъекта высокого уровня правосознания и понимания сущности права. Гораздо проще реализовать правовую норму, содержащую описание того, как нужно действовать в определенной ситуации и к каким последствиям это приведет. То есть проще руководствоваться классической структурированной нормой с гипотезой, диспозицией и санкцией. По-другому обстоят дела с нормативными обобщениями, где регулирующее установление приобретает максимально абстрактную форму. Для применения нормативных обобщений требуется выявление сущности данных явлений, которое невозможно без анализа предпосылок появления конкретных нормативных обобщений.

Относительно рассматриваемого принципа прямого действия, необходимо отметить, что при обсуждении проекта Основного Закона 12.07.1990 на втором заседании рабочей группы Конституционной комиссии все выступавшие были едины во мнении: новая Конституция должна быть, прежде всего, исключительно правовым документом, причем документом, в существенных своих частях являющимся законом прямого действия, источником непосредственно действующего права: вплоть до того, что по некоторым делам судебные решения должны применяться непосредственно на основе статей Конституции [19, с. 203].

В. Д. Зорькин предлагал под прямым действием Конституции воспринимать следующее: «Даже в том случае, если закон есть, гражданин, пришедший в суд, имеет полное право сослаться непосредственно на текст Конституции. Все остальное, звучащее в суде, будет подзаконно этой статье, оно должно будет подпадать под эту статью. Если оно с ней расходится, оно не будет принято к действию» [20, с. 203]. То есть в

конституционное положение о прямом действии закладывался смысл, позволяющий участникам различных правоотношений руководствоваться Конституцией при разрешении правовых ситуаций.

Таким образом, прямое действие Конституции является не абстрактной идеей, «пронизывающей» сферу нормативно-правового регулирования, а достаточно определенным обязательным требованием к поведению субъектов различных правоотношений, прежде всего к правоприменителям. По причине отсутствия у конституционных нормативных обобщений структуры, схожей с нормой права, имеется риск, когда некоторые субъекты не воспринимают данные регуляторы в качестве реально действующих нормативно-регулятивных средств. В такой ситуации принцип прямого действия Конституции, также являясь нормативным обобщением, обеспечивает обязательный характер всех иных нормативно-регулятивных средств, содержащихся в Конституции, что, в частности, позволяет гражданину ссылаться на положения Основного закона, разрешая спорные ситуации в отношениях с государством.

Основываясь на приведенных исследованиях, представляется, что вытекающее из Постановления Конституционного суда и Постановления Верховного суда ограничение судов общей юрисдикции в возможности и обязанности, установленной статьей 15 Конституции и статьями 8, 11 ГПК РФ, обеспечивать при осуществлении своей компетенции принцип прямого действия Конституции не в полной мере соответствует действующему законодательству и конституционным идеям современной России.

Учитывая то, что главной гарантией реализации любого права является действенный механизм судебной защиты, то, по нашему мнению, суды должны иметь реальную возможность по разрешению дел на основе Конституции, в том числе, в случае установления противоречия между Основным законом и подлежащим применению нормативно-правовым актом, что позволит соблюсти требование одного из основных нормативных обобщений Конституции – принципа прямого действия.

Библиография:

1. Тихомиров Ю. А. Проблемы теории социалистической Конституции // Советское государство и право. 1978. № 2 С. 3–11.
2. Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М., 2006. 416 с.
3. Конституционное право России: Учебник / Под ред. Г. Н. Комковой. М.: Юрист, 2005. 399 с.
4. Венгеров А. Б. Конституционный контроль в СССР // Правоведение. 1970. № 3. С. 32–34.
5. Кравец И. А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 675 с.
6. Венгеров А. Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 48–55.

Государственные институты и правовые системы

7. Пимонов В.А. Прямое действие Конституции: от правовой теории к практике // Психология и право. 2013. №04.
8. Ряховская Т.И. К вопросу о роли Конституционного Суда в сфере обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 127-131.
9. Собр. законодательства Рос Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.
10. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2. С. 1.
11. Карташова И.И. Прямое действие Конституции РФ и обязанность государства по его обеспечению // Юридические записки. 2012. № 2 (25). С. 17-23.
12. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
13. Шафиров В.М. Общее учение о норме права и современное (интегративное) правопонимание // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 81-101
14. О понимании советского права: «Круглый стол» // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 48–77.
15. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Сов. Гос-во и право. – 1978. – № 3. – С. 113-118.
16. Чернобель Г.Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983, № 6. – С. 40-47.
17. Давыдова М.Л. Средства юридической техники и проблема ограничения прав и свобод человека // Юриспруденция . 2010. №2. С.29-36.
18. Интернет-сайт Мотыгинского районного суда Красноярского края. URL: <http://motig.kr.k.sudrf.ru/> (дата обращения 22.03.2015).
19. Ряховская Т.И. Развитие идеи о прямом действии Конституции России (по материалам конституционной комиссии и конституционного совещания) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2012. № 12. Ч. 1. С. 202-205.
20. Цит. по: Ряховская Т.И. Развитие идеи о прямом действии Конституции России (по материалам конституционной комиссии и конституционного совещания) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2012. № 12. Ч. 1. С. 202-205.
21. Карасев Р.Е. Конституционный Суд РФ: защита прав и свобод человека и гражданина в законодательном процессе // Право и политика. – 2013. – 12. – С. 1614 – 1617. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.10391.
22. Хабриева Т.Я. Конституция Российской Федерации и развитие законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreignn legislation and comparative law. – 2012. – 5. – С. 4 – 12.

References (transliterated):

1. Tikhomirov Yu. A. Problemy teorii sotsialisticheskoi Konstitutsii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 2 S. 3–11.
2. Kolyushin E. I. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo Rossii: Kurs lektsii. M., 2006. 416 s.
3. Vengerov A. B. Konstitutsionnyi kontrol' v SSSR // Pravovedenie. 1970. № 3. S. 32–34.
4. Kravets I.A. Rossiiskii konstitutsionalizm: Problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya. SPb. : Izdatel'stvo R.Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2004. 675 s.
5. Vengerov A. Pryamoe deistvie Konstitutsii: pravovye, sotsial'nye, psikhologicheskie aspekty // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 5. S. 48-55.
6. Pimonov V.A. Pryamoe deistvie Konstitutsii: ot pravovoi teorii k praktike // Psikhologiya i pravo. 2013. №04.
7. Ryakhovskaya T.I. K voprosu o roli Konstitutsionnogo Suda v sfere obespecheniya pryamogo deistviya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 309. S. 127-131.
8. Kartashova I.I. Pryamoe deistvie Konstitutsii RF i obyazannost' gosudarstva po ego obespecheniyu // Yuridicheskie zapiski. 2012. № 2 (25). S. 17-23.
9. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. M.: Yurist'', 2004. 512 s.
10. Shafirov V.M. Obshchee uchenie o norme prava i sovremennoe (integrativnoe) pravoponimanie // Voprosy pravovedeniya. 2013. № 2. S. 81-101
11. Gorshenev V. M. Netipichnye normativnye predpisaniya v prave // Sov. Gos-vo i pravo. – 1978. – № 3. – S. 113-118.
12. Chernobel' G.T. Struktura norm prava i mekhanizm ikh deistviya (logicheskie aspekty) // Pravovedenie. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1983, № 6. – S. 40-47.
13. Davydova M.L. Sredstva yuridicheskoi tekhniki i problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka // Yurisprudentsiya . 2010. №2. S.29-36.
14. Ryakhovskaya T.I. Razvitie idei o pryamom deistvii Konstitutsii Rossii (po materialam konstitutsionnoi komissii i konstitutsionnogo soveshchaniya) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (vkhodit v perechen' VAK). Tambov: Gramota, 2012. № 12. Ch. 1. S. 202-205.
15. Ryakhovskaya T.I. Razvitie idei o pryamom deistvii Konstitutsii Rossii (po materialam konstitutsionnoi komissii i konstitutsionnogo soveshchaniya) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (vkhodit v perechen' VAK). Tambov: Gramota, 2012. № 12. Ch. 1. S. 202-205.
16. Karasev R.E. Konstitutsionnyi Sud RF: zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v zakonodatel'nom protsesse // Pravo i politika. – 2013. – 12. – С. 1614 – 1617. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.12.10391.
17. Khabrieva T.Ya. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i razvitie zakonodatel'stva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Journal of foreignn legislation and comparative law. – 2012. – 5. – С. 4 – 12.